

Домашенко А.В.

кандидат филологических наук,
НИИ славяноведения и компаративистики,
Бердянский государственный
педагогический университет

ИМЯ И ТЕКСТ

...Нужно иметь хоть в зачатке “Во Имя”,
которое бы освещало путь и питало творчество.

А.А. Блок

Название конференции* неизбежно вводит разговор в контекст проблематики постструктурализма, с его установкой на тотально текстовый характер реальности, с которой имеет дело человек. Текст, таким образом, становится не только первичной, но единственной подлинной онтологической данностью, поскольку, как было во всеуслышанье заявлено, нет ничего, кроме текста. Эта текстовая реальность последовательно и бескомпромиссно противопоставлялась логоцентризму традиционной европейской культуры.

Насколько правомерна такая установка?

В противостоянии Логоса и текста обнаруживается противостояние двух истоков европейской культуры – греческого, доминирующего на востоке Европы, и латинского, господствующего на западе.

Если “мышление идет по тем бороздам, которые оно прокладывает в языке” (М. Хайдеггер), то понятно, что и борозды, и, соответственно, опыт мышления в пределах разных языков будут разными. Впрочем, мыслитель порой проходит такими путями, по которым даже в пределах его родного языка лишь немногие могут ступить. Что остается от этих путей, если их попытаться перевести на другой язык?

Судьба Запада решающим образом была предопределена тем, что его мысль непосредственно прорастает не в почве (греческое мышление), а в ее трактовке другим языком (латинским). Когда постструктуралисты противопоставили греческому слову ‘λόγος’ латинское ‘textus’, они на самом деле не открыли новых путей в мышлении, а просто лишний раз напомнили, с чего начиналось мышление Запада и чем изначально была обусловлена его беспочвенность [см.: 3, 57]. Одновременно они наглядно продемонстрировали, что в наше время мы имеем дело не просто с завершением онтологической мысли Запада, но с завершением ее завершения, выходом из которого может быть только сущностное ее преобразование.

* “Город как текст”.

Λόγος, будучи речью, разговором, беседой, до тех пор хранит свою онтологическую сущность, пока остается развертыванием имплицитной полноты сакрального имени. Имя же в первоначальном понимании – ни в коем случае не средство для разного рода мыслительных операций, но изначальная сопряженность слова и мышления, когда ничто ни для чего не является средством, но есть единственно возможный способ самораскрытия присутствия в его незамутненной полноте.

Не случайно именно с ὄνομα этимологически связан глагол γινώσκω (познавать, узнавать, полагать, думать: мыслить), экспрессивная основа которого, грамматически выраженная удвоением [см.: 4, 189], указывает на необычный для нас, но бывший когда-то единственно возможным манический характер изначального целокупного имени-знания. Названная целокупность – ключ к пониманию природы вопрошающего мышления. До тех пор, пока логос эту свою именную руководящую основу сохраняет, он остается живой явленностью присутствия, не превращаясь в понятие.

Textus, будучи ‘сплетением’, ‘структурой’, ‘связью’, ‘связным изложением’, – оказывается отдаленным отголоском греческого логоса, но без его онтологической связи с ὄνομα, именем, следовательно, без онтологической почвы, в которой укоренено изначальное маническое именное мышление.

Попытка понять текст как конечную реальность не просто далека, но вполне противоположна подлинной онтологии, что, впрочем, и не удивительно для “людей из бумажки” (Ф.М. Достоевский), каковыми были все постструктуралисты. Их онтология на поверку оказалась бумажной, в чем с трогательной непосредственностью, сам того не замечая, признается Р. Барт, характеризуя порождение текста – дискурс: “...Создавая персонажи, он делает это не затем, чтобы они играли между собой для нас, а затем, чтобы играть с ними, чтобы добиться от них сообщничества, обеспечивающего непрерывный кодовый обмен: персонажи – это всего лишь особые типы дискурса, а дискурс, со своей стороны, – это персонаж, подобный всем прочим” [1, 199. Пер. Г.К. Косикова и В.П. Мурат].

Любой текст, как бы мы его ни мыслили, всегда вторичен по отношению к имени. В имени, а также в развернутом из имени логосе единственный источник живой жизни. Постструктуралисты об этом забыли, поэтому у них бумажный человек на бумажном коне с бумажным копьем выезжает на битву. При этом оружие может быть вполне настоящим: оно онтологически бумажное, как танки в Москве в 1991 году. Таковым же было и все то, что происходило в Париже в 1968 году.

Нужно было очень не уважать всех нас, чтобы попытаться нас уверить, что нет ничего, кроме текста. На самом деле все, конечно, наоборот: нет ничего, кроме логоса, когда он укоренен в имени. Если же на место и вместо имени и логоса выдвигается текст, это обман, попытка смысл заменить “полым” сознанием, смысловой пустотой. Смысл в произведении, если он в нем наличествует, всегда от имени, например, от имени ‘Брайдсхед’.

Обладавший удивительным для XX века языковым даром Ивлин Во устами Чарльза Райдера напомнил нам, что действительно “*есть*”, а что может и “*не быть*”, несмотря на всю свою эмпирическую очевидность: “Еще не дойдя до двери, я спросил помощника: “Как называется это место?”

Он ответил мне, и тотчас словно кто-то выключил радио, и голос, оравший в мои уши беспрестанно, бессмысленно день за днем, вдруг прервался; наступила великая тишина, сначала пустая, но постепенно, по мере того как мое потрясенное сознание возвращалось ко мне, наполняясь множеством мелодичных, безыскусных, давно забытых звуков, ибо он произнес имя, которое было мне хорошо знакомо, волшебное имя такой древней силы, что, как только оно прозвучало, фантомы всех этих последних призрачных лет один за другим обратились в бегство” [6, 14].

“Как только оно прозвучало” – это приблизительный перевод. У Ивлины Во несколько другое: “at its mere sound”. Mere значит ‘простой’, ‘явный’, ‘сущий’, но поскольку речь идет о древней силе имени, должен быть учтен его первоначальный смысл: ‘чистый’. Sound значит ‘звук’, но также ‘содержание’, то есть смысл услышанного, прочитанного. Речь, таким образом, идет о чистом смысле имени, и подлинной реальностью в конечном счете обладает лишь то, что приобщено к этому смыслу, тогда как все остальное обречено раствориться в пустоте. Такой изначальной силой может обладать любое имя: не только города, но даже, как видим, загородного дома.

И другой пример из романа о знакомом всем по опыту экзаменационных сессий вталкивании в голову разнообразной несъедобной текстовой мякины: “В конце семестра я сдал мои первые экзамены; это нужно было сделать, если я хотел остаться в Оксфорде, и я их сдал после того, как в течение недели не разрешал Себастьяну посещать меня и допоздна просиживал с ледяным черным кофе и черным сухим печеньем, вбивая в голову тексты, которыми так долго пренебрегал. Я не помню теперь из них ни слова, но другие, более древние знания, которые я тогда приобрел, останутся со мной в том или ином виде до моего последнего часа” [6, 38].

Через голову всех напластований европейской культуры Ивлин Во возвращается к тому изначальному пониманию имени, которое делает невозможной какую бы то ни было альтернативу имени (логоса) и текста.

Никакого постструктурализма не было бы, если бы постструктуралисты были более талантливыми читателями.

Наша мысль становится онтологически значимой, когда она является способом самопроявления бытия, как, например, изначальное маническое имя-знание (ὄνομα-γνῶσις). Там, где первичной онтологической данностью является текст, бытие может быть только иллюзорным. В имени, если мы действительно приобщены к его сакральному смыслу, реальность раскрывается как присутствие, которое никогда не метафизично, но манично, или, если из древнегреческого контекста перейти в контекст христианский, безумно, глупо (μωρός), с точки зрения обыденного сознания: “Никто не обольщай самого себя; если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот

будь безумным, чтоб стать мудрым” (1 Кор. 3: 18). Эта якобы “безумная” реальность, конечно, более реальна, нежели та единственная, которая доступна обыденному сознанию и по отношению к которой все иное объявляется метафизическим.

Причина рождения метафизики, с “логоцентризмом” которой так отчаянно боролись бумажные солдаты, не в логосе, но в том, что было утрачено знание (γινώσκω) изначальной природы логоса как имени (ὄνομα). Отвергая логос, постструктуралисты отрезали для себя единственную возможность действительного преодоления метафизики.

По тексту, считают постструктуралисты, можно бродить направо и налево, кроить его на глазок, разбивая на “лексии”, с особым упоением отрицать в нем наличие каких-либо организующих центров, чтобы вернее “ускользнуть” от того или иного целостного смысла, как будто он – угроза, а не взыскуемый дар. Сами постструктуралисты постоянно подчеркивали свою связь с философией Ф. Ницше. Их “вожделения” и “желания” как важнейший, если не единственный, императив поведения – анемичная форма ницшеанской воли к власти, с тем существенным отличием, что их “вожделения” порождены не стремлением к власти, а паническим страхом перед ней. Философствование молотом становится философией ускользаний от молота, каковым напуганному воображению представляются все идеологии, но в первую очередь те, что связаны с логоцентризмом, то есть с христианской традицией. То, что этот страх имеет патологический или, может быть, абсентный характер, вполне прояснится, если мы не будем забывать, что он культивировался в обществе, которое уже во времена О. де Бальзака, согласно искреннему его убеждению, лишено было “всяких твердых верований” [1, 244].

Ускользать и только – это, конечно, поведение не “сверхчеловека”, а гомункула или “недоноска” из стихотворения Е.А. Боратынского. Как видим, гомункул – это то, чем de facto завершилась в постструктурализме история ницшеанского сверхчеловека.

Там, где нет воли к живому смыслу, там начинается воля к смерти как определяющая характеристика “бумажного” бытия: будучи людьми весьма простодушными, постструктуралисты сами рассказали о его природе. Его основные особенности таковы:

- изначальность буквы (γράμμα), которая, как мы знаем, “мертвит”;
- энтропия рассеянных, абсолютно не упорядоченных смыслов как конечная реальность;
- расщепленность сознания, которое, все больше расщепляясь, стремится к “бумажному” бытию как своему пределу.

В постструктурализме до самой последней степени исчерпывает себя парадигма, начало которой – в разложении в позднеренессансный период цельной ренессансной личности.

“Человечество изо всех сил стремится обрести свой центр”, – говорил когда-то Ф. Шлегель, биографически и исторически приобщенный к

последним проблескам онтологической мысли Запада. Современный европейский человек, в лице постструктуралистов отказавшийся от этого стремления, тем самым признал свое поражение, стало быть, окончательно признал, что его существование на основе самоконституции Ego онтологически ущербно.

Почему безутешно плачет ребенок, когда уходит из дому мама? Из-за пустого каприза? Нет, но потому, что с ее уходом разрушается Целое, следовательно его существование лишается онтологической почвы, а значит и смысла. Смыслом наполнено только Целое, в данном случае – присутствие ребенка и мамы. Эти слезы ребенка – первый опыт приобщения к трагическому мироощущению, когда рушится Целое, и можно быть уверенным, что его переживания при этом намного глубже и сущностнее, нежели наши переживания в театре при восприятии даже самой удачной постановки шекспировской трагедии.

Вот почему ничем иным, как извращением реальной сути дела, является следующее рассуждение Р. Барта: "...Смысл – это воплощенная сила, стремящаяся подчинить себе другие силы, другие смыслы и другие языки. Сила смысла зависит от степени его систематизированности: самым сильным является тот смысл, который, путем систематизации, оказывается способным охватить наибольшее число элементов, создать впечатление, будто он покрывает весь мыслимый мир: именно так обстоит дело с большими идеологическими системами, которые борются друг с другом, обмениваясь смысловыми ударами. Моделью такой борьбы остается все та же "сцена", которая есть не что иное, как нескончаемая сшибка двух различных кодов, сообщающихся между собой лишь за счет соприкосновения, взаимной подгонки краев (это – обмен репликами, стихомифия)" [1, 173-174].

Утверждение, что конечной моделью нашего существования является трагическая стихомифия, равносильно убеждению, что наше существование вне Целого и есть наше нормальное состояние. Такого рода взгляды могут высказывать только очень наивные или, напротив, лукавые люди. Впрочем, оба эти качества в том или другом постструктуралисте вполне могут соединяться.

Эти люди или не понимают, или, напротив, с дьявольской отчетливостью осознают, какой "тьмой кромешной" при таком ее понимании неизбежно становится человеческая жизнь**. Впрочем, не подтвердил ли трагический XX век окончательно и бесповоротно их правоту? Конечно, нет, поскольку XX век – это урок, а не итог.

Рассуждение Р. Барта о смысле – это рассуждение человека с дубинкой или того, кто прячется (ускользает) от человека с дубинкой, вполне разделяя

** Ср. у ближайшего предшественника постструктуралистов: "Я попался в западню, моя склонность к добродетели была сопряжена с нежной любовью к дьяволу" [5, 190]. Слова, слова, слова... На какое позерство не пойдешь ради доходящей до пароксизма жажды ангажемента.

при этом его понимание смысла. Поскольку нет в этих писаниях живой жизни, постольку нет в них и хлеба насущного, но есть рожки, которыми с лихвой накормил постструктуралистов их *le maître d'école* Ж.П. Сартр: “Святость мне внушала отвращение...*** <...>...Гротескно-уродливые статуэтки (королей. – А.Д.) мне надоели: я был санкюлотом и цареубийцей...” [5, 108, 109]. Или другое: “На мой взгляд, наиболее существенен здесь, пожалуй, вопрос об искренности. В девять лет я был мал для нее, после целиком оставил позади” [5, 172]. Особенно красноречиво в русском переводе это снисходительное ‘пожалуй’ (*plutôt*). Кажется, Ж.П. Сартр искренен только тогда, когда циничен.

Совсем иначе и, конечно, гораздо более глубоко говорит о той же проблеме Г.-Г. Гадамер. Когда мы пытаемся постичь смысл, утверждает немецкий мыслитель, мы “стремимся допустить, признать правоту (по самой сути дела) того, что говорит другой человек. Ведь если мы хотим понять, мы пытаемся еще более усилить аргументы собеседника”. Сказанное вовсе “не означает, что, если мы кого-то слушаем или приступаем к чтению книги, мы должны отбросить любые предварительные мнения о содержании того, что услышим и прочитаем, должны забыть все свои мнения. Напротив, требуется открытость мнению другого, содержанию книги, а это уже значит, что чужие мнения полагаются в известное отношение к совокупности собственных мнений. <...> ...Тот, кто пропускает мимо ушей то, что в действительности говорит другой, в конце концов не сможет подчиниться и своему собственному многообразию смыслового ожидания” [2, 73, 76. Пер. Ал. В. Михайлова].

В каком понимании смысла открывается перспектива, а в каком вполне определено, почти слогом милицейского протокола, артикулирован тупик?

Впрочем, в идеях постструктуралистов есть один плодотворный момент, хотя он, как и все остальное, в их трактовке вывернут наизнанку, изменившись при этом до неузнаваемости. Речь идет об онтологической природе языка, который, поскольку он онтологичен, разумеется, никогда не может быть редуцирован до текста или дискурса.

Состоянием языка определяется характер поэтического творчества любой исторической эпохи. Это отношение такого рода, что его с помощью лоскутных понятий постструктуралистов, конечно, не выразить.

В тот период, когда расцвета достигает творчество Софокла, его трагедии были поэзией, тогда как песни Пиндара, будь они написаны в это же время, остались бы всего лишь литературой. Почему? Потому что трагическими, а не маническими в это время становятся отношения человека с языком в силу утраты человеком способности непосредственно онтологически осуществляться в языке. Для этого понадобились опосредованные формы миметического искусства, чем и был с

*** Известно, на кого она производит такое действие. На того, кто был для Сартра предметом нежной любви.

неизбежностью predetermined расцвет трагедии. Поэзия становится “произведением”, а не поэтическим сказыванием, как было раньше. Прямое слово истины-несокрытости (ἀλήθεια) становится иносказанием (μετα-φορά), а бытие как присутствие, явленное торжеством в состязании (δράμημα) и закрепленное в поэзии (ποίησις), инобытием в драма, миметическом искусстве, ποιητικὴ τέχνη.

По той же причине трагическая лирика А.А. Блока в трагическую эпоху России в большей степени становится поэзией, нежели высокоталантливое литературное творчество акмеистов, ориентированное на классические поэтические формы прошлого.

Постструктурализм родился в начале второй половины минувшего столетия и пропел:

Мне только два дня,
Назвали меня
Уродливым именем...****

На третий день он умер: эфемерное пост- никогда долго не живет и никогда ничего не начинает.

Постструктурализм закончился несколько десятилетий назад.

Никто этого не заметил.

Здесь и там публикуемые постструктуралистские статьи и книги – письма из прошлого, затерявшиеся во времени. Эти письма, если в них по-настоящему вдуматься, не могут не производить жуткого впечатления.

Литература

1. Барт Р. S/Z / Р. Барт. – М.: Ad Marginem, 1994. – 303 с.
2. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – С.72 – 82. – (История эстетики в памятниках и документах).
3. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – С.47 – 116.
4. Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка / П. Шантрэн. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 344 с.
5. Sartre J.-P. Les Mots / J.-P. Sartre. – Paris: Editions Gallimard, 1964. – 215 p.
6. Waugh E. Brideshead revisited / E. Waugh. – London: Everyman's Library, 1993. – 315 p.

Анотація

Статтю присвячено з'ясуванню сутності імені і тексту та визначенню їх місця в сучасній філології. Автор пропонує розгорнуту характеристику імені і тексту. Особливу увагу приділено онтологічній природі імені. Автор

**** Это, конечно, не имя, а понятие, но в любом случае жаловаться не на что: название вполне соответствует сущности.

розглядає ім'я як онтологічну основу поетичної творчості, наприклад, ім'я 'Брайдсхед' у романі І. Во.

Ключові слова: ім'я, логос, онтологія, текст, постструктуралізм.

Аннотація

Стаття посвящена wyjaśnieniu сутності імені і тексту і визначенню їх місця в сучасній філології. Автор пропонує розгорнуту характеристику імені і тексту. Особливу увагу приділено онтологічній природі імені. Автор розглядає ім'я як онтологічну основу поетичного творчості, наприклад, ім'я 'Брайдсхед' в романі І. Во.

Ключевые слова: имя, логос, онтология, текст, постструктурализм.

Summary

The article deals with the clarification of the essence of such words as name and text, and defines their place in the contemporary philology. The author offers the detailed characteristics of name and text. Special attention is paid to the ontological essence of name. The author considers name as the ontological foundation of poetic creation, for example the name 'Brideshead' in E. Waugh's novel.

Keywords: name, logos, ontology, text, poststructuralism.